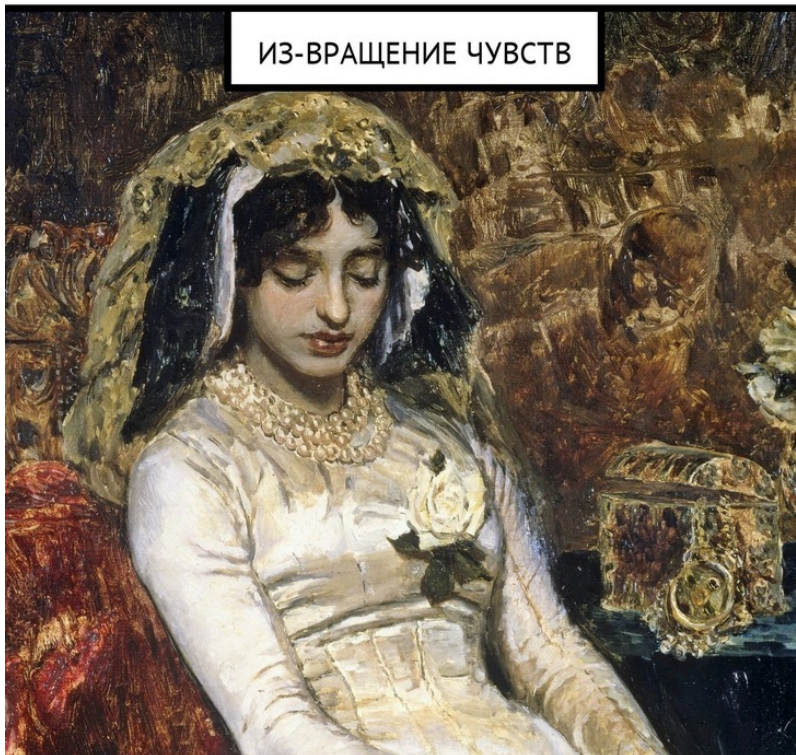

КИ ЧАНС

Геометрия первой любви и операция «Дочь»

ИЗ-ВРАЩЕНИЕ ЧУВСТВ

Ки Чанс

**Геометрия первой любви
и операция «Дочь».**

Из-Вращение чувств

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344764
ISBN 9785448593383*

Аннотация

Роман «Геометрия первой любви и операция „Дочь“» рассказывает о верной дружбе, необычных приключениях и испытаниях трёх девушек и их друзей. Вместе с героями книги читатель побывает в снежном плену в горах Сьерра Невада, примет участие в полицейском расследовании деятельности зловещего картеля и поисках отца их обделённой родительской любовью подруги. Ему откроются сокровенные тайны любви, верной дружбы и счастья.

Содержание

Глава 1. Расстрелянный экран, цвет ада и грибница беды	5
Глава 2. Горячие новости, перегретые головы и кое-что о любви	17
Глава 3. Солнце вокруг Америки, глупость как признак силы и виртуальный доллар	34
Глава 4. Танцы в небесах, турбуленция и неизвестная история. Из дневника Винсии	41
Глава 5. Геометрия любви и разозлиться на проблему	52
Глава 6. Узники снежной пещеры и плачущий сугроб	60
Глава 7. Прыжок с вертолёта, цветная магия любви и подвиг Фанки	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Геометрия первой любви и операция «Дочь» Из-Вращение чувств

Ки Чанс

© Ки Чанс, 2017

ISBN 978-5-4485-9338-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Расстрелянный экран, цвет ада и грибница беды

Тина сидела в комнате, погружившись в мысли. Подходил к концу третий год её пребывания в Америке. Год на редкость богатый на события, открытия и такие повороты судьбы, о которых только в книжках и читаешь. Впрочем, в воспоминания удариться не удалось. Зазвенел телефон.

– Миссис Ти! Это – отец Вашего ученика Джесса. Он же – шериф. Звоню, чтобы напомнить Вам о том, что сегодня в четыре часа дня Вы должны быть в «Центре послешкольного образования». На встрече с трудными подростками, членами уличных банд. Там Вас встретят наши люди. Это всё! Телефон замолк.

Вся эта история, из-за которой она не спала вторую ночь, началась две недели назад, когда шериф без предварительного звонка заехал в школу, чтобы поговорить с ней с глазу на глаз.

– Миссис Ти, – начал он издалека, – Вы же встречались с ребятами из группы «Жизнь без улицы»?

– Да, пару раз, в группе продлённого дня. Когда я замечала их учительницу. Но это было довольно давно.

– Не так важно, когда это было. Важно, как это произошло и как сложилось общение. По слухам, они Вам доверились.

Они с Вами разговаривали. А это случается нечасто.

– По правде говоря, сэр, моей заслуги в этом нет. Я думаю, что они разговорились, узнав, что я иностранка. Во-первых, интересно встретить человека из такой загадочной страны, как Россия. Во-вторых, они меня не боялись. Я же была для них «чужаком». А чужак не знает тех людей, которых они боятся. Вот они и разоткровенничались. Да и то совсем немного.

– Пусть так. Но Вы всё-таки преподаватель социальных дисциплин. То есть Вы профессионально должны разбираться в вопросах детской преступности, отклонений в поведении и тому подобных вещах.

Добродушное, но серьёзное лицо шерифа, покрылось сеточкой хитрых морщинок.

– Допустим. Но я думаю, что Вы сами, сэр, ваши помощники и, наконец, преподаватели американцы разбираются в проблеме детских банд и молодёжной преступности лучше меня.

– Не удивляйтесь, но среди местных преподавателей есть такие, которые эту проблему не видят, отрицают и считают надуманной. Вы же знаете, как сильно мы, американцы, боимся чужих проблем. Ха-ха-ха. Но и это не главное. Можно что-то очень хорошо знать и совсем не знать, как об этом говорить с подростками. Извините за тавтологию.

– Так что Вы хотите от меня? Лекцию прочитать?

– Упаси господь! Никаких лекций. Я прошу о разговоре.

Простом, душевном, откровенном разговоре с ребятами, так или иначе ходящими по краю. С теми, кто побывал в преступных детских группировках. С теми, кто пытается этого избежать. Наконец даже с теми, кто в них, этих уличных бандах, состоит. У нас имеется полный список этой публики. Мы их соберём, скажем, в Центре послешкольного образования, а Вы с ними попытаетесь организовать дискуссию. Мы даже фильм перед её началом покажем. Хороший фильм. Уже будет тема для разговора.

И он Тину уговорил.

И вот этот день наступил. Миссис Ти волновалась не так, как перед уроками. Она пребывала в настоящей панической атаке. Объяснить, почему, она не могла даже себе самой. Может быть, это было нехорошим предчувствием...

Но шериф, когда она заикнулась о своём страхе, назвал это «накручиванием себя» на почве излишнего чувства ответственности.

Приняв таблеточку никому неизвестного в Америке пустырника, Тина подняла умолявшее оставить его в покое тело и потащила его в машину.

Ехать пришлось долго: сто шестьдесят километров. Хорошо, что это была так называемая «старая дорога миссионеров». Она выглядела пустынной и полузаброшенной. Как раз для водителей «низшего класса», к коим относилась себя миссис Ти.

В зале Центра собралось человек сорок детей разного воз-

раста. Некоторые выглядели как первоклашки, и Тина ужаснулась при мысли, что они, такие милые и безобидные, живут бок обок с проблемами, с которыми немногие взрослые знают, как справиться.

В холе её встретили двое полицейских. Они и доставили в центр диск с фильмом. Затем, предупредив, что будут неподалёку, покинули здание. Дети наотрез отказались о чём-нибудь разговаривать в их присутствии.

Фильм назывался «Цвета», «Colors».

Три банды подростков, действующие на одной и той же территории, ведут беспощадную борьбу за полный контроль над этим районом города. Один из полицейских, человек с ещё не уставшим и по-хорошему беспокойным сердцем, пытается спасти младшего брата лидера мексиканской банды. Он спрашивает старшего:

– Ты хочешь, чтобы твой младший брат тоже вступил в вашу гангстерскую шайку? Ты хочешь, чтобы у него была такая же паршивая жизнь, как у тебя?

Парень отвечает, что он этого не хочет. То, что произошло с ним, не должно случиться с его маленьким братом. Но проблема пряталась совсем не там, где за неё пытался ухватиться коп. Он видел только ядовитый гриб. Но, как известно, грибы растут из грибницы. А грибницы имеют такое сложное строение и занимают такие невообразимо огромные территории, что учёные до сих пор не научились определять их границы и все их, скрытые под землёй, хитросплетения.

Дело было в том, что сам маленький мальчик давно выбрал старшего брата своим героем. И причин тому было не меньше, чем тайных ходов у грибницы мухомора.

Вот эти невидимые многими причины и обстоятельства и предстояло обсудить с приглашёнными на встречу ребятами.

А в фильме всё заканчивалось довольно типично. А, значит, печально и безнадёжно. Младший брат с восторгом и гордостью вступает в банду.

В тот момент, когда экран пытался достучаться до разума и сердца детей последними, гениально сделанными кадрами, дверь в зал резко распахнулась. На пороге стоял молодой человек лет шестнадцати с поднятой вверх и вправо рукой. В руке было оружие. Небольшое блестящее оружие. В следующую секунду оно обдало экран жаром, и от него по белому полотну побежали горячие дырки от выстрелов. Получилось так, что нападающий расстрелял не просто экран, но и главного героя. И от этого всё выглядело кошмарнее и страшнее.

В Центре была она, мирная учительница, ребята, которых доставили на автобусе полицейские, да женщина бухгалтер. Она работала в своём кабинете наверху и должна была закрыть школу после окончания мероприятия.

– Всем сидеть и не дёргаться! – холодно выкрикнул «гость» и продемонстрировал серьёзность своих намерений, ещё раз прошив экран пулями. Тине показалось, что в руке у него маленький, почти дамский пистолет.

Она не успела это додумать и осмыслить, потому что из-под длинного чёрного плаща появилось ещё одно оружие. Направлено оно было в сторону ребят. Вторая рука держала на прицеле её саму.

– Все видят Ремингтон 870? – дурным, истеричным голосом выкрикнул парень. – Он – двадцати четырёх зарядный, почти на всех хватит. Вырубите мобильники.

Захватчик замолчал. Дети, как и учительница, сидели тихо.

– Вы здесь судилище решили устроить?! Ну как же... Такие хорошие мальчики и девочки хотят побороться с бандитами... Так?! И училку заграничную пригласили. Которая знать не знает, как мы тут выживаем. И как друг другу помогаем выжить. Ты сама откуда? – грубо обратился чернокожий, с неестественно блестящими белками властных глаз подросток.

Миссис Ти молчала. Просто не могла открыть рот. Таким тяжёлым и переполненным страхом он вдруг оказался.

– Я тебя сейчас первую уложу, если не проявишь уважение и не начнёшь говорить! – прошипел парень.

Но она молчала.

– Она русская, Син, – это произнесла девочка, «мисс порядок», которую Тина знала по коротким встречам в группе продлённого дня одной из школ. Забыть её или перепутать с кем-то другим было невозможно: невероятно правильные, почти геометрически красивые черты овального лица под-

чёркивались золотистой, ровной, как английский газон, чёлкой и волосок к волоску высокой причёской. Девочка смотрела на парня без страха. Даже с вызовом.

– Не думала, что ты, Син, до того измельчаешь! Взять в заложники кучу перепуганных детей и учительницу, вооружённую ручкой. Каким же храбрецом надо быть, чтобы...

Она не договорила. Син был уже рядом с ней, уткнув свой маленький пистолет в хрупкое плечо. Он нагнулся к её уху, продолжая угрожающе целиться в разные точки комнаты из своего тяжёлого ремингтона. Парень что-то злобно и желчно говорил, на что девочка практически не реагировала. Ничто не менялось в её лице. Никакого страха не проглядывалось в серьёзных, суровых глазах.

Эта сцена каким-то образом вернула Тине способность соображать. Она поняла, что то, что слышала «мисс порядок», она слышала не впервые. Ничего нового, вероятно, парень сказать ей не мог. А это означало, что они довольно тесно знакомы. Но вот к лучшему или к худшему было это обстоятельство – учительница сообразить не могла.

Сама Тина всегда была трусихой. В физическом смысле. Она боялась водить машину. Обходила стороной шумные, агрессивные сборища. Совсем не умела драться. Могла пытаться вырваться, но не дать сдачи. Поэтому своё состояние иными словами, кроме как тихая паника, она бы не описала.

– Слушай, русская! Ты ничего не знаешь о нашем аде! Потому что есть только один настоящий ад – это родиться чёр-

ным в Америке. И ты этого никогда прочувствовать не сможешь! Когда я родился, мать уже была на крючке... У драгдилеров. Скоро её не стало. Братья состояли в банде. Все трое. А отец возглавлял самую крутую группировку в нашем микрорайоне. Все с ним считались. Все его уважали. Он всегда был для меня главным героем.

– И, наверняка, твой крутой отец и заработал себе славу и деньги, продавая ту самую отраву, от которой умерла твоя мать, – тихо сказала миссис Ти.

В следующую минуту парень нагнулся к её уху:

– Ещё только вякнешь что-нибудь про отца – отстрелю твой язык!

Тина замолчала.

– Ты понятия не имеешь, почему у нас так много «гэнгов» и почему они такие популярные! В некоторые парни и девчонки в очередь стоят. Готовы любые испытания пройти, лишь бы в группу взяли. Ты об этом знала?!

Она тихо покачала головой «нет».

– Я сейчас любого здесь спрошу, что он о молодёжных и детских группах думает, а ты слушай ответы. Внимательно слушай!

Тина послушно кивнула.

– Вот ты, малолетка с мышинными волосами. У вас в квартале банды есть?

– Есть, конечно, – ответил совсем маленький, сжавшийся в парту, мальчик.

– Ты сам хотел бы вступить?

– Да.

– Почему? Объясни тёте.

– Они крутые. С ними не страшно, всегда за своего заступятся.

Следом вызвался ответить парень лет четырнадцати, с оливковой кожей и бегающими чёрными глазами.

– Все знают, как они иммигрантам помогают. И вещи на первое время дадут. И комнатёнку для жизни находят. Да и потом... Только к ним и обращаемся: где подработать, как с долгами расплатиться или иммиграционной службе не попасться.

– Ну а ты чего молчишь? – парень злобно перевёл прицел на худого мальчишку с пустыми от страха глазами. И тот послушно затараторил:

– Гэнги нас защищают. Даже некоторым старикам помогают. Да и купить у них всё можно по дешёвке: от мебели до продуктов и одежды.

– Конечно, – не удержалась Тина. – Одежда с убитых или мебель от должников всегда дешевле стоит.

Она тут же почувствовала металл рядом со щекой и закрыла рот.

– У вас в России все такие наглые?!

Тина опустила глаза и не ответила.

– Ну а девчонки чего молчат? Вам-то уж точно есть что сказать. Тебе, например, – ружьё медленно повернулось

в сторону чернокожей, очень полной девушки.

– Это правда, что ребята из банд много хорошего делают. Я осталась совсем одна в прошлом году. Братья сели в тюрьму. Отца в уличной перестрелке положили. А матери я с детства не знала. Так Син с друзьями полгода мне бесплатно еду носили. Потом комнату для жилья нашли. А теперь вот и работу.

– И всё это «за просто так»? – вылетело изо рта учительницы

– А большие дяди и тёти, те, которые и власть, и деньги имеют, что-то делают друг для друга «за просто так»?

– В этом я тобой согласна, – искренне согласилась мисс Ти неожиданно для себя самой. – А ты очень умный и, по всему видно, образованный парень. Ты где учился?

Тут ступор напал на агрессора. За него ответила «мисс порядок»:

– Син изучал политтехнологии в Университете Беркли. Это там он стал таким бунтарём. Вначале, что бы он сам ни говорил, отец и близко не подпускал его к банде. Он его учиться послал.

– Хватит! Всё это в прошлом! У нас сейчас есть «гэнги» нового типа: многонациональные братства. Настоящие братства. Ни чета этим шутовским группкам для богатых бездельников в Йеле или Принстоне. Если Американские власти не могут решить расовый вопрос, мы *сами* его решаем.

Парень заговорил ещё громче и отчаяннее, чем прежде:

– Мы вас, малолеток, – он обвёл тяжёлым взглядом младших ребят, – в свою семью хотели принять. Вы же не нужны этой стране! Вы никому не нужны: дети алкоголиков, преступников и сутенёров! А вы предали нас! Поверили этой полицейской Лиге «Твой друг – полицейский»?! Вам что, мало наших спортзалов и стрельбищ? На приманку клюнули?

– Но мы хотим учиться! Хотим на жизнь зарабатывать... – не успел договорить худенький черноволосый мальчик, потому что в коридоре раздались громкие шаги. Шагали каблуки. А, значит, это была женщина.

Наш агрессор выскочил в коридор и разрядил оружие. Тина и «мисс порядок» срочно набирали 911.

Звук выстрела прозвучал так громко, что часть ребят закрыли уши и стали прятаться, кто куда мог: под столы, в шкафы, кто-то побежал к окнам. Тина сообразила, что выстрел показался таким оглушительным из-за эха, разнесшегося по пустым коридорам. Вместе с выстрелом они услышали женский крик: удивлённый и больше похожий на стон. Она выбежала за дверь кабинета. Бухгалтер лежала на полу, но крови видно не было. Их захватчик, небрежно отодвинув тело ногой, нагнулся и осмотрел его. Потом улыбнулся и двинулся назад, в кабинет. Так как Тина стояла на его пути, он её сильно и больно толкнул стволом ремингтона в спину и буквально заволок назад в класс.

Как только миссис Ти вошла вовнутрь, она почувствовала на себе взгляд. Смотрела «мисс порядок». Смотрела вро-

де бы прямо на неё, но скосив глаза налево, к окну. Миссис Ти проследила за её глазами. Вдали, за опрятной лужайкой, было заметно какое-то движение.

Боль полоснула по её правой лопатке совершенно неожиданно. Как раз в том месте, где она к ней, так или иначе, привыкла: смещённые позвонки регулярно тренировали её на выносливость, упираясь в какой-нибудь особо капризный нерв. Женщина не успела понять, что произошло. Она потеряла сознание и тихонечко улеглась на пол. Стало спокойно и хорошо.

Глава 2. Горячие новости, перегретые головы и кое-что о любви

Большая светлая комната в гостеприимном чеченском доме ученицы двенадцатого класса Саният вибрировала тревогой.

Коренные чеченцы, они приехали в Америку вслед за главой семьи – профессором, специалистом по сравнительному религиоведению. У него был длительный контракт с Университетом Южной Калифорнии. Семья хоть и прижилась в вибрирующей свободой американской культуре, но твёрдо решила вернуться домой, в Россию, как только истечёт срок договора. И до этой даты оставалась ровно шесть месяцев.

Больше всех рвалась на родину младшая дочь, Саният. Там было её сердце. Потому что в России, в Чечне, жил и работал молодой специалист по банковскому делу, укравший сердце девушки за несколько минут короткой встречи на гастрольном концерте чеченского ансамбля Вайнах. Виртуальное общение, которого очень боялась её мама Лина, только сблизило их души и распалило чувства.

Но сама Саният, выпускница двенадцатого класса лучшей школы в округе, известной под именем «Школа розового заката», больше всех переживала по поводу предстоящего

отъезда. Прощание с Америкой неумолимо означало расставание с двумя лучшими подругами: американкой Винсией и мексиканкой по происхождению Лией

Обе девушки были из тех, кого принято называть обездоленными. Винсия рано потеряла мать, чьё слабое сердце не выдержало жёсткого развода... Не ужилась девочка и с менявшим молодых, по-современному стервозных подруг, отцом... Она покорно кочевала из одной патронажной семьи в другую, оттаивая душой только в тёплом, гостеприимном чеченском доме любимой подруги Саният...

Третья подруга, Лия, никогда не имела нормальной, любящей семьи. Она оказалась нежеланным ребёнком, отца которой мать постаралась забыть сразу же после рождения дочери. Правда, у Лии был старший брат. Но то, чем он занимался с полного одобрения матери, заставило девочку бояться собственной семьи больше, чем воображаемых бандитов... Потому что её брат и был самым настоящим бандитом, сутенёром и членом нелегального мексиканского картеля.

Семья Саният и подруга Лии, китайка Ван Ли, сделали всё возможное, чтобы найти отца девочки. После года поисков, к которым подключилась полиция, им это удалось. Им оказался известный Вашингтонский журналист Дерек. Но встреча пока не состоялась. Лию решили отправить на длительную стажировку в Англию, дабы держать девушку подальше от брата-преступника, а Дерек решил участвовать в операции по ликвидации того самого картеля, с которым

вот уже десять лет был связан брат его дочери.

Заполнившая самую большую комнату чеченского дома тревога имела вполне объяснимые причины. Их было две, но похожие: ни Лия, вот уже почти двое суток пребывавшая в Англии, ни миссис Ти, их учительница из России и подруга хозяйки дома, не отвечали на телефонные звонки. Телефон миссис Ти, которая должна была организовать беседу с членами, или возможными членами детских и молодёжных банд, молчал уже четыре часа. Лия была недоступной последние десять часов.

– Первое, что надо сделать, это узнать, в каком именно Центре находится миссис Ти.

Спокойный, неторопливый голос отца Саният, заставил присутствующих взбодриться.

– А как мы можем узнать? Она никому не сказала, куда едет, – возразила Винсия, которая по настоянию Саният отпросилась к ним в гости с ночёвкой.

– Узнать можно у того, кто её послал на эту встречу, – мягко поддержала мужа Лина.

– А как узнать, кто её туда послал?

– Для этого, я почему-то думаю, нам и даны мозги, – вступила в разговор Саният.

– Обычно трудными подростками занимаются две организации, – продолжал рассуждать глава семьи.

– Да, либо Служба Защиты Детей, CPS, либо специальный отдел полиции, – уверенно сказал старший сын семей-

ства. Он, единственный в семье, ещё не решил вопрос о своём возвращении в Россию. Дело было в том, что ему, студенту последнего курса колледжа, обещали фантастически интересную практику в Силиконовой Долине. Как раз по его профилю – цифровая инженерия.

– Лина, ты когда-нибудь слышала, чтобы миссис Ти со-трудничала с CPS?

– Нет. Никогда. Она не раз возмущалась ими. Ей не нравилось, как безответственно и бездушно они размещают детей в патронажных семьях. Даже не обсуждая возможность настоящего усыновления. Но я ни разу не слышала, чтобы она с ними что-то планировала или собиралась какое-нибудь мероприятие проводить.

– Тогда остаются копы. И кто у нас главный коп? И самый известный?

– Шериф! – отозвались девочки хором. – Звони, для начала, Джессу. Может быть, он в курсе. Всё-таки сын... – кивнула Саният в сторону Винсии.

Винсия набрала номер Джесса и с кислым лицом выслушала набившую оскомину фразу: «Абонент недоступен».

– Похоже, сегодня день под слоганом «Отдохни без меня! И я по тебе не соскучился», – попробовал пошутить младший брат, мечтавший о море. Но никто не улыбнулся.

– А давайте позвоним прямиком в полицию! Там хотя бы живой дежурный должен на телефоны отвечать, – предложил отец Саният.

Лина кивнула и стала набирать номер со стационарного телефона. Почему-то так ей показалось надёжней.

– Алло! Вы не подскажете, как связаться с шерифом? Для чего? По важному делу...

Лина обожгла собравшихся горячим вопросом голубых глаз, прося подсказки.

– Это связано с учёбой его сына, – неуверенно соврала мать семейства и порозовела. – Сейчас соединит меня с ним, – шепнула она собравшимся.

– Это мать Санянт и хорошая знакомая миссис Ти. Мы её потеряли. Вот уже почти четыре часа, как она не отвечает на звонки. Хорошо, жду.

Она повесила трубку. Было заметно, как дрожала её рука. Все нетерпеливо поглядывали на старинные настенные часы, считая минуты. Прошло пять, потом десять, пятнадцать минут. Часы громко отстукивали время с таким же упорством, с каким молчал телефон.

От телефонной трели все вздрогнули. Лина бросилась к тумбочке с аппаратом, но тут же остановилась. Звонил чей-то мобильник. Домашний телефон уныло безмолвствовал.

– Лия! Ну, наконец-то! – оживший, полный надежды голос Винсии внёс живинку в унылую атмосферу ожидания. – И где ты пропадала всё это время? Всё у тебя хорошо?

– Отлично! Но не без сложностей и приключений. Я в таком шоке от всего, что за это время случилось, что впервые поняла миссис Ти. Помнишь, как она объясняла нам, поче-

му её культурный шок всегда с ней и никогда не отпускает? Так ведь я в родственную по языку, культуре и менталитету страну приехала. И всё равно все мысли и чувства спутаны.

– Ну а Расс с тобой? С ним у тебя как?

– Расс здесь. Привет всем вам передаёт. С ним у нас всё хорошо. Правда, не уверена, что англичанам с нами так же хорошо. Ты, Винсия, в *такую* меня компанию отправила! Я, когда прошлый раз звонила, не хотела показаться неблагодарной и начать жаловаться, охать и вздыхать...

– Что, Году удалось тебя чем-то поразить? Я на это и рассчитывала. Лучше культурный взрыв, или как ты там его называешь, чем унылое однообразие.

– Не уверена. Но было интересно. Напишу по электронке. У нас здесь такое, такое произошло! Ты не поверишь, но кот случайно вызвал полицию! Лапой по телефону бил, бил – и три раза до полиции дозвонился! Набрал подряд их номер 999... Вот смеху было... Хотя и страху тоже хватило, когда полицейский наряд прибыл. Кстати, о миссис Ти. Передайте ей и Фанки сердечное спасибо за всё, что они для меня сделали. Ну и шерифу, конечно.

– Ты представляешь! Миссис Ти как раз сегодня пропала. Я сейчас у Санянт дома. У нас нечто вроде совещания. Решаем, как её найти. Уехала на какую-то встречу с молодыми «гангстерами» – и всё. Не откликается. А теперь и шериф замолчал. Обещал перезвонить, когда новости будут, и молчит. Ужас! Ни одна утешительная мысль в голову не прихо-

дит.

– Я-то думала, что круче событий, чем у нас здесь, трудно представить. А у вас вообще криминальная драма.

– Вот именно! Мне даже плакать хочется. Хоть бы драма, а не траге...

Зазвонил стационарный телефон, и Винсия срочно попрощалась с подругой.

– Спасибо, что вовремя потревожили меня, миссис Лина – немного устало баритонила трубка. – Мы прибыли на место происшествия немного поздновато, но не поздно. Не буду утомлять вас подробностями. Миссис Ти позже сама всё расскажет. А сейчас она в травмпункте. У неё повреждено плечо и защемлён нерв. Она пережила сильный эмоциональный и болевой шок, так что ей требуется отдых. Завтра утром она уже будет дома. Ну а пока спит. Всё же они пробыли пару часов в заложниках! Такой опыт даром не проходит.

Лина серела и без того бледным лицом с каждым новым словом шерифа.

– Благодарю Вас за звонок и за то, что держите нас в курсе событий. Мы это ценим. До свидания.

Все молчали. Кто и кого взял в заложники? Почему?

Решили включить телевизор и послушать местные новости.

Передавали «Breaking News», Горячие новости:

– Несколько часов назад в Центр дополнительного образования проник вооружённый травматическим пистолетом

и двадцати четырёх зарядным ремингтоном молодой человек. Он ворвался в актовый зал, где проходила дискуссионная встреча с проблемными подростками. Мероприятие курировалось Лигой полицейских «Твой друг». Юноша оказался видным членом уличной банды, контролировавшей пять самых бедных кварталов Сан Диего.

Гангстер произвёл несколько выстрелов по экрану, где в тот момент демонстрировался известный фильм «Цвета» о борьбе полиции с детской уличной преступностью. Затем злоумышленник взял на прицел участников собрания и продержал их в помещении около двух часов, угрожая расправой в случае сопротивления.

Перед задержанием, проведённым местными полицейскими, преступник ранил в голову бухгалтера центра, которая направлялась в актовый зал. Так как выстрел был произведён из травматического оружия, её ранение рассматривается медиками как не несущее угрозу жизни. Также пострадала преподаватель, курировавшая дискуссию. Её травмы вызваны механическим воздействием и не являются тяжёлыми.

В настоящий момент преступник арестован. Возбуждено уголовное дело по статье «Насильственное удержание в заложниках и нанесение телесных увечий». Мы вас будем держать в курсе расследования.

Лина обняла девочек и долгим, значащим взглядом посмотрела в глаза мужу.

– Знаю, знаю, что ты хочешь сказать, – ответил тот на взгляд. – Мы здесь последние полгода, осталось потерпеть совсем немного. К лету будем уже в России...

Винсия заплакала. Она уткнулась в плечо подружки, и Саният, как когда-то давным-давно, десять лет назад, собрала тонкими пальчиками её слёзы в ладошку. Винсия зарыдала ещё сильнее:

– Я останусь совсем одна. А без подруг я жить не умею. Не научилась.

– Во-первых, жить надо сейчас. И радоваться моменту: мы сами и наши друзья живы-здоровы! Это уже счастье! – серьёзно сказала Лина. – А проблемы будем решать по мере их поступления. Для начала надо позвонить Лии и сказать, что с миссис Ти всё хорошо. Потом сделать телефонный звонок...

– Фанки! – закончили фразу подружки.

Пока девочки дозванивались в Англию, Лина начала обзванивать больницы. Она хотела выяснить, где находится учительница. Хотя бы для того, чтобы знать, откуда её надо будет забрать завтра. А если повезёт, то и навестить сегодня и покормить чем-нибудь вкусеньким. Домашним. Но часы посещения закончились. Оставалось встретиться с Тиной завтра, на выписке.

Лина заметила, что дочка с подружкой незаметно покинули взрослых и закрылись в комнате на женской половине. Исчез и большой ноутбук Саният, лежавший на столе.

– Значит, укрылись о делах любовных поболтать, – подумала она. И не ошиблась.

– А как ты поняла, что влюбилась? – шёпотом, впившись всей зеленью своих глаз в глаза Саният, допытывалась Винсия.

– Я его на концерте Чеченского ансамбля «Вайнах» встретила. Помнишь, мы всей семьёй на прошлой неделе в Мексику, на тот самый концерт, ездили... Ты ещё расстроилась, что твоя приёмная семья тебя с нами не отпустила. Ну так вот... Нас совершенно случайно, ну, знаешь, как это бывает... Чисто из вежливости... Брат познакомил. Я хотела просто поздороваться с парнем и маму догонять. Она уже наши места в ряду занимала. Подняла глаза... А он на меня, как на шедевр искусства, смотрит. Знаешь, как это бывает! Вдыхаешь... Аж до самого живота... Да так и остаёшься стоять. С открытым ртом, полными лёгкими и распахнутыми глазами. И тут меня такая волна накрыла! Я не знаю, покраснела я или нет, но всё тело в жар бросило.

– Наверное, сама испугалась?

– Ещё бы! Стоит барышня с открытым ртом, почти не дышит, и нагревается... как старая спиральная плитка. Ну, мне так казалось.

– Что он дальше сделал? Сказал что-нибудь? Подмигнул?

– Вот опять ты со своими американскими штучками! Если бы он стал подмигивать, я бы второй раз ни за что с ним не встретилась! Это не в нашей традиции. Это вульгарно!

– Это ты опять со своими чеченскими штучками! И ничего не вульгарно! Весело!

– С последним я согласна. Весело! Вот именно! Весело! Но когда тебе кто-то в сердце заходит, как в свой собственный дом, и все твои эмоции себе подчиняет, это не может быть весело! Это страшно. И очень, очень приятно. Как будто у тебя теперь два сердца. Две души. Правда, страшно...

– Так вы и стояли, как два перегретых балбеса?

Саният накинута на подружку, шутливо толкая её в грудную клетку маленькими кулачками. Девочки завозились, подначивая друг друга. Комната наполнилась приглушёнными всплесками хиханек и хаханек.

В комнату вошла Лина.

– Секретничаем? Или дерёмся?

– И то, и другое, – давась очередной волной смеха, буркнула Саният.

– Может, и я на что-нибудь сгожусь? – весело поддержала игру Лина. – Я ведь и то, и другое умею: секреты хранить и драться ещё не разучилась.

– Маам! Ты не могла бы нас одних оставить? Поболтать хотим.

– Так и я поболтать хочу. О мальчиках. О разбитых сердцах...

– Да не говорим мы о разбитых сердцах! – сморщив носик и смешно подтянув пухленькие щёчки к ушам, настаивала на своём Саният.

– Мы об обогревательных приборах спорили, – давясь смехом, поддержала подругу Винсия.

– Так и я о том же, – улыбнулась Лина. – В том смысле, что нет на свете лучшего прибора, чем сердце. Поэтому так больно, когда его кто-то разбивает. Становится очень холодно и страшно... Есть ядерная зима, а есть бессердечная. Не знаю, какая опаснее.

– А Вам кто-нибудь сердце разбивал? – тихо и серьёзно спросила Винсия.

– Стыдно признаться, но – нет! Нас с детства в семье, а потом в школе учили, что девичье сердце хрупкое, его беречь надо. Не обнажать перед теми, кто над ним холодно посмеется и так же весело разобьёт.

Саният торжествующе взглянула на подругу:

– Слышишь? А ты: весело, весело...

– Беречь сердце... Мне такого никто не говорил. А как его беречь? Как узнать, что вот этот или тот человек его может разбить?

– Ой, девочка, вопрос твой один из самых трудных. Но несколько правил всё же есть. Не на все случаи жизни, но иногда помогают.

– Так поделитесь с нами, миссис Лина. Пожалуйста.

– Хорошо. Но правила эти могут показаться тебе, современной американке, вычурными и несовременными. Слишком пафосными... Как вы там выражаетесь? Полным отсто-

– Ну и что! Баха тоже некоторые считают напыщенным, несовременным и «отстоем». А лучше музыки, чем он, сами создать не могут. Я тут только что, когда тезисы к эссе писала, узнала, что Мартин Лютер, основатель протестантской религии, страдал депрессиями. Да такими жестокими, что временами боялся сойти с ума. В клинику ложиться отказывался и лечился музыкой. Слушал орган... И больше всего любил Баха. И эта музыка очищала его мозги и лечила сердце лучше всяких таблеток. Все доктора это признавали. Так что, Лина, открывайте нам секреты «здорового сердца»...

– В целом, всё просто. Девушка никогда не должна ни предлагать себя парню, ни добиваться его. Жизнь распорядилась так, что нам, женщинам, жизнь новую надо миру давать. И это всегда опасно и тяжело. Настоящий мужчина, – тот, который хороший сын, брат и друг, – никогда об этом не забывает! И никогда не унизит ни себя, ни девушку «охотой на него». Он бережёт её достоинство.

– Так именно этим и занимаются почти все современные девчонки! – воскликнули подружки почти разом. – Охотой на парней!

– У нас ежедневные драки из-за парней.

– А какую травлю друг на друга в интернете девчонки устраивают! И всё из-за мальчишек!

– Сейчас новая мода пошла: стать «опытной» партнёршей перед тем, как предложить себя парню, который нравится! И все соревнуются. Постоянно соревнуются. В том, кто

у мальчишек популярней... Кто в фэйсбуке популярней... Кто во сколько лет сексом заниматься начал... Многие считают, что в тринадцать лет уже поздно... Представляете себе?! И все лайкаются, лайкаются... Скоро разговаривать разучимся. Только картинками все обмениваются!

Лина не могла унять разгорячившихся девушек. Они выплёскивали из себя всё, чем была переполнена, не сказать «перенасыщена», их школьная жизнь.

– Может быть, поэтому, так бросаются в глаза две американские беды.

– Какие? – тихо спросила Винсия.

– Война между мужчинами и женщинами. Это первая. Сами американцы её, возможно, не замечают. Кому-то она, полагаю, нравится. Ведь в войне можно выиграть, а в тихом мирном месте надо друг друга понимать, любить и поддерживать. Это не вписывается в американские правила... У них обязательно кто-то должен быть победителем...

– А вторая беда? Ну, американская? – тормошила маму Санянт.

– Здесь, в Америке, бизнес и деньги почти всегда маршируют впереди любви и дружбы. Даже когда речь идёт о семейной любви: к детям, родителям, супругу. Для американцев на первом месте – эффективность, здравый смысл, карьера. И, конечно, они по этим показателям всю планету позади себя оставили. Только вот превратились в нацию не очень счастливых людей. Это, конечно, лично моё мнение...

– Ну, не для всех деньги и выгода на первом месте! Вы неправы, миссис Лина! – бурно вступилась за соотечественников Винсия. – Моя мама никогда такой не была.

– Твоя мама была человеком исключительной доброты и необыкновенного таланта: таланта любить и прощать. Поэтому ей трудно жилось.

– Я, мама, тоже с тобой не совсем согласна. Люди могут меняться. Особенно, когда влюбляются. Вон каким был Джесс, наш староста: прямоходящей эффективностью и крепко застрявшим в голове скучным здравым смыслом. А с Тришкой они стали дружить, – и он подобрел, смягчился и стал совсем не скучным. Он так «очеловечился», что мы его не узнаём!

– А заметила, какие перемены с Софьей произошли? С нашей всегда и во всём правой крутой отличницей? Она, по моему, в Скайуокера из школы «Серебряного Ручья» влюбилась. В того самого, который из-за дислексии в костюмы из Звёздных Войн полкласса одел. Чтобы от них все преподаватели отстали... Благо, что сам – сын директора школы. А теперь наша Софья ходит и всем без причины улыбается. Никого жизни не учит. Добровольно в нашем Центре Умственного Здоровья с пациентами занимается. На днях даже тройка по латыни схватила! И хоть бы хны! Пришла на урок счастливой – ушла с урока такой же счастливой, но только с первой тройкой в жизни!

Все принялись смеяться.

– Винсия, я так рада, что ты со мной согласишься. Я буду счастлива, если ошибаюсь. И уж точно, всё, что я тут наговорила, к тебе не относится. По крайней мере, сейчас.

– Мама, а ты в папу сразу влюбилась? Ведь у нас, в Чечне, и родители могут заставить замуж выйти. Вопреки воле. Я в интернете читала. Таких случаев немало.

– Я папу впервые увидела на свадьбе его старшего брата. Он скромно стоял в сторонке. Глаз не поднимал. А когда поднял! Я поняла, что пропала. Раз и навсегда. Глаза у нашего папы необычные... Глубокие, тихие и умные... – Лина покраснела. – Но я его заставила изрядно понервничать, прежде чем согласие дала... Всю свою гордость женскую «употребила».

– Я не согласна! – выпалила вдруг Саня. – Я про папины глаза... Они у него самые предобрые в мире! Как его сердце!

– Ну, тебе, дочка, лучше знать. Спорить не буду. Строго-то он только на меня смотрит.

– А когда ваш муж смотрит на Вас строго? – спросила Винсия.

– Когда неожиданные гости в дом приходят, – а угостить чем-то особым нечего. Или когда уеду в горы гулять и на звонки не отвечаю, потому что там связи нет. Бывает, что из-за Саня пожурит: много воли ей даю.

– У вас, в чеченских семьях, всегда принято гостей лучшими блюдами встречать?

– Да! Это не обсуждается. Так же, как то, что в доме всегда

должен быть порядок, покой, свежая еда и чистая одежда.

– А у нас принято печенюшками угощать. Покупными. Да даже и не угощать! Когда молодёжь в дом к кому-нибудь приходит, они сами холодильник открывают, берут всё, что хотят, могут на твоей кровати в ботинках улечься. Если сильно устали.

– Это ты точно описала! Но не все такие. Тот же Джесс, например! Или Расс, Софья!

– Они, конечно, тоже истинные американцы, но они соблюдают и еврейские традиции, хоть и в синагогу не ходят. Они немножко другие.

В комнату постучали. Это был брат Саният. Он позвал её к телефону. Звонили из России. Из Грозного.

– Это ты? – зашебетала на высоких трелях девушка. – А почему вдруг звонишь? Да ещё на стационар? Волновался? Ах, ну да, я же на связь по Скайпу не вышла. У нас тут столько всего случилось! И у меня Винсия в гостях... О чём говорим?

Саният открыла было рот, чтобы сказать «О любви», но вспомнила слова Лины о достоинстве и серьёзно сказала:

– Да так... О разных культурах, традициях и ценностях.

– Ты, Саният, главная ценность в моей жизни, – услышала она срывающийся по-пацански голос. Трубка в её руке задрожала...

Глава 3. Солнце вокруг Америки, глупость как признак силы и виртуальный доллар

Наконец-то Тина была дома. Лина забрала её из больницы сразу же после выписки. Пока она неспешно и аккуратно вела машину, стараясь не встряхнуть ноющее плечо учительницы, побывавшей в заложниках, рот её не закрывался ни на минуту. А подруга с жадностью слушала новости про Лию, смеялась над умным и шkodливым английским котом и вникала в суть дискуссии о любви и нелюбви.

– Вы собираетесь уезжать этим летом? – уточнила она у Лины, понимая, что решение о возвращении в Россию окончательное и обсуждению не подлежит.

– Да! Сразу после выпускных экзаменов.

– А как же вечер? Выпускной бал?

– Нет! Это не для нас. Вся эта суматоха с поиском партнёра, который должен девушку на вечер привести! Весь нездоровый ажиотаж вокруг конкурса «королевы бала»! Нам это не по душе. Это ещё мягко сказано! Некоторые из традиций унизительны! И для парней, и для девочек. Какое отношение имеет тяжко заработанный диплом к обязательному кавалеру по танцам? Средневековые какое-то.

– Да, я тоже в недоумении от некоторых вещей. Бедные

американские мальчишки за полгода до вечера начинают жить, как в лихорадке. Ищут девушку, которая им не откажет! Ведь до сих пор во многих школах «одинок» на вечер не пускают! Если бы сама тому свидетелем не была, ни за что бы не поверила.

– Ну, значит, ты меня понимаешь. Так что мы билеты уже заказываем. На начало июня.

– А сыновья? Они тоже возвращаются?

– Один, младший, летит с нами. Второй остаётся на год: будет магистратуру здесь заканчивать и практику проходить. А дальше, как получится. Думаю, он тоже в Россию вернётся. Но в Москву, а не в Чечню. У сестры проживёт. У меня же старшая дочь с мужем в столице обосновались. У них там конюшня, почти конезавод, по выведению лошадей ахалтекинской породы. Так что нам почему-то кажется, что через год наш старший будет в Москве работу искать. Тем более, у него здесь ни особо близких друзей, ни девушки нет. А специальность у него востребованная...

– Он, что ли, совсем девушками не интересуется? Сейчас такое время, что по этому поводу стоит беспокоиться, – сказала Тина шутливо, но с намёком.

Лина чуть не упала со смеху на руль. Тину же так вовремя потрянуло, что она ойкнула и замолчала. Даже язык прикусила: весьма к месту и ко времени.

– Девушек вокруг и рядом полно! Сами за ним бегают, сами ухаживают, некоторые даже «купить» его не прочь.

– Как это «купить»?

– Нет, тут лучше Лермонтова не скажешь: «... всё это было бы смешно, когда бы ни было так грустно». Я про то, что богатенькие девочки из семей, в которых отпрыскам никак не удаётся лишние семейные миллионы потратить, женить его на себе готовы. С одной у него, вроде бы, даже роман был. До первого раза, пока она громко и с удовольствием не рыгнула в его присутствии. Всё! Это была их последняя встреча.

Они, наконец, доехали, и Лина поспешила домой: ожидалась гости из Невады. Те самые, которым подарили набор свёрл, выглядевших, как самодельная бомба.

Миссис Ти осторожно легла на свою узкую постель и, после нескольких безуспешных попыток найти что-нибудь интересное по телевидению, включила компьютер. На нём у неё была выставлена в «быстрый дозвон» целая плеяда радиостанций. Она решила начать с местной, с красивым названием «Оушенсайд».

– И, таким образом, деньги закончатся через шесть, максимум семь дней. К субботе в обращении не останется ни цента. Вся Америка будет одним большим банкротом. Заmrут все бизнесы. Закроются постепенно все банки, – уверенно говорил крепкий, молодой мужской голос.

– Нет, нет! Банки ещё продержатся какое-то время, colega. Там же безналичные расчёты...

– Но безналичные расчёты осуществляются, пока живые деньги в стране циркулируют. Банковским аппаратам чем-

то ведь тоже питаться надо. Так что в конце недели жизнь в Америке замрёт.

Не дожидаясь всей Америки, Тина замерла всем телом. Даже заморозилась. О чём они говорят?! Она пришла в ужас!

Она тянула на себе три работы, отказывала себе во всём, каждый доллар старалась сохранить и приумножить в надёжных американских банках! Чтобы было с чем жизнь в России фактически с нуля начинать. А они говорят, что через неделю ни денег, ни банков не будет?!

– Итак, подведём итог нашей дискуссии, – бодро продолжала верещать радиостанция. – Если перевести все наши расчёты в наличные деньги, американская экономика продержится не больше шести-семи дней. Потому что мы создали такую монетарную модель, в которой мы обмениваемся друг с другом ничем не обеспеченными бумажками. Все наши чеки, векселя и кредиты, взятые безналичными, виртуальными деньгами под гарантию других, таких же виртуальных кредитов, – фактически ничего не стоят. И все это знают. И все молчат.

– Именно так, коллега. С этой точки зрения, даже такая страна как Россия, оперирует куда более реальными деньгами, капиталами и ресурсами. Но мы им об этом, конечно, не скажем.

– Уже сказал, – ядовито прошипела миссис Ти, поняв, что «эксперты» вели незлобивый, такой же виртуальный, как американская валюта, дискус, и успокоилась.

Вашингтон вещал довольно резким, неприятным женским голосом:

– Продолжаем дебаты о том, кто мы – истинные американцы: величайший народ в мире, достигший самой высокой точки цивилизационного развития, или нация плохо образованных, не очень воспитанных, довольно агрессивных людей, которых не любят за пределами нашей страны? Слово нашему гостю – социальному психологу из института Маккартура.

– Спасибо! – психолог вложил всю глубину и ширь американского оптимизма и американской улыбки уже в первое слово. – На днях одна уважаемая газета опубликовала итоги опроса, проведённого среди американцев разных возрастных и социальных групп. Они должны были ответить на вопрос: Земля вертится вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли?

– И каков же результат?

– Более семидесяти процентов наших граждан убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли.

– Это звучит пессимистично. Угнетающе. И очень нелестно для нашей системы образования.

– Вы делаете такой же неверный, поверхностный вывод, как и авторы статьи. Это звучит потрясающе верно! Наши граждане лишний раз доказали, что мы – нация самых здравомыслящих, а значит, самых успешных людей в мире!

– Я ценю Ваш юмор, но...

– Никаких «но»! Что видят люди на протяжении дня? Они видят солнце, медленно вращающееся вокруг них. А они – земляне! Почему они должны не доверять собственным глазам? Американцы верят прежде всего тому, что видят. И они сто раз правы в своём подходе к жизни. Потрясающие результаты! Потрясающие! Мы – нация самых разумных людей на планете Земля.

– Ну а что скажет наш второй гость в ответ на обвинение наших соотечественников в элементарной глупости?

– Такое обвинение звучит как награда! Как признание нашего величия! Мы, великая нация великих людей, имеем право быть такими, какими нам быть приятно и комфортно! Кто может диктовать нам, какими мы должны быть, чтобы нравиться миру?

– Мы настолько уверены в себе, что можем себе позволить быть глупыми, – слова прозвучали громко и радостно. Возражать ему почему-то не хотелось. Ведущая и не возражала. Да и что тут возразишь?

Фраза даже понравилась Тине. Она звучала настолько по-американски, что её можно было взять на цитату.

– Это лишь доказывает наше превосходство над другими народами, которые стараются угодить всем, кроме своих собственных граждан.

– Ну, что же, и с этим можно согласиться, – в полусне подумал Тина и отключилась. Последней мыслью перед погружением в беспокойный сон была мысль о предстоящем по-

ходе её учеников. Самая активная часть двенадцатого класса собиралась совершить восхождение на Пик Капитан в Неваде. Приключение обещало быть ярким и незабываемым.

Глава 4. Танцы в небесах, турбулентия и неизвестная история. Из дневника Винсии

«Восторг обнял меня так крепко, что я боялась дышать. И по мере того, как самолёт набирал сначала скорость, а потом высоту, это цепкое объятие становилось всё крепче. Когда в окошко я увидела россыпи огней Сан-Франциско, коронованные полумесяцем знаменитого Золотого Моста, я обернулась к своим спутникам и выдохнула: «Такой красоты я в жизни не видела!»

Потом разноцветные гирлянды города сменились стерильной белизной горных вершин. Изменилось и настроение. Подмигивающие огни городских улиц очаровывали и провоцировали.

Совершенство же горной геометрии погружало в размышления. Сердце переполняло боязливое уважение ко всей этой кряжистой, ершистой, неприглаженной расчёской цивилизации горной громаде. Хотелось думать – получалось бояться: уж слишком близко к брюшку маленькой Чесны подбирались костистые каменные пальцы.

– Тара, а мы не слишком низко летим? – обратилась я к любимой соседке нашей учительницы, миссис Ти. Мощная Тара Бой, городской чемпион среди женщин по поднятию

штанги, и её щедедушный муж, из бывших цирковых акробатов, не раз выручали меня в трудную минуту. Даже из пещеры Люцифера спасали. Вот и в этот раз. Предложили бесплатно доставить к месту сбора всей нашей туристической группы.

– А ты как думаешь?! Усадить такую тушу, как я, в маленький, похожий на бабочку, самолёт и надеяться, что он не прогнётся?

Заливистый хохот супругов Бой поднимал, скорее, нервы, чем дух оптимизма. Но безнадёжной трусихой выглядеть не хотелось, и я робко испустила нечто, похожее на смешок. Я очень старалась.

– А что это за овечка блеет позади меня? – похохатывая, вступил в перепалку супруг миссис Бой. – Прошла ли она санитарный контроль перед вылетом?

Я обиженно замолкла. Гряда гор, над которой мы летели, называлась Трансверс. Этот район славился сильными боковыми ветрами. Но прогноз погоды на тот день обещал нам ясное небо, яркое солнце и покладистые воздушные массы.

Сначала так всё и было.

– Мы уже подлетаем к Центральной Калифорнийской Долине? – собралась я с духом и задала вопрос.

– Мы можем, двигаясь согласованным курсом, приблизиться к ней уже через минут двадцать. Но, боюсь, нам придётся изменить план полёта. Да, кстати, дамы, у меня появилось настроение пощекотать вам спинки и макушки.

Не успел наш пилот закончить фразу, как меня тряхнуло достаточно сильно для того, чтобы понять, насколько серьёзны были шутливые слова мистера Боя. В следующую секунду я визжала, так как моя голова нашла потолок кабины и за чем-то стала в неё стучаться. На небо, что ли, просилась?!

– Муженёк! Да будь ты неладен! Ты что, самолёт в тренажёр решил превратить? – басила и гудела, впрочем, довольно добродушно его жена.

Самолётик икнул, подрожал всем тельцем и резко сменил курс.

– Тара! – неожиданно громким, командным голосом заговорил её обычно мягкий и деликатный супруг. – Открой свой ноутбук, посмотри прогноз и силу ветра в узлах. Быстро!

– Прогноз не ахти. С Санта Анны движется стена ветра, которая на данном участке имеет все шансы превратиться в горную волну. Скорость: тридцать пять узлов.

– Спасибо, дорогая! – голос нашего пилота звучал спокойно. – Девочки, положите руки на затылок, пригните головы, и, если получится, спрячьте их между колен. Мы сейчас сманеврируем.

Самолёт стал исполнять какой-то дикий африканский танец. Он нырял вниз, потом, как спринцовочная струя, взлетал носом вверх, не забывая, как это делают темпераментные танцоры, трястись всем туловищем и зазывно, темпераментно двигать рукастыми крыльями и хвостатой ногой.

– Тара! Не знаю, где ты находишься, на сиденье или под ним, но если можешь, открой в смартфоне страницу «Фо – флайт» и запроси для нас безопасный маршрут. Как только его получишь, поднеси картинку к моему лицу. Что бы там ни было!

Миссис Бой связалась с местным Центром Аэротрафика, передала телефон мне, а я протянула картинку с картой, понятной только ему, мистеру Бою.

– Держитесь! – рявкнул последний. Мы не летим к Долине. Мы начинаем облетать гору, чтобы оказаться с подветренной стороны. Здесь горная волна самолёту крылья оторвёт, а нам – головы. А кое-кому – и попы. Если они тощие.

Я практически сползла со своего места и зависла направо. Закрыла глаза и приготовилась к шоковой терапии. Если повезёт, то от бога, (и было за что), а если не очень, то от одной из каменных баб, угрожающе тянущих к нам свои носатые лица.

Но ничего не случилось. Степень защиты оказалась такой высокой, что мы благополучно нырнули и протиснулись сквозь узкую щель отрогов, где нас благословили спокойное ясное небо и нежно выглядывающее из-за вершины горы Паттерсон солнце. Вскоре мы облетали Сухое Озеро Роджерса и аэробазу Эдварда. Самолёт благодарно помахал крыльями диспетчерам, выручившим нас четверть часа назад, и устремился к Бэйкерсфильду, от которого было рукой подать до Американской Реки и озера Тахо.

– Ну, муженёк, я лишний раз поблагодарила судьбу за то, что вышла замуж именно за тебя! Ты – лучший во всём, за что ни берёшься!

– С такой жёнушкой только лучший и выживет, – разразился смехом мистер Бой.

Полюбовавшись озером, входящим в шестёрку самых глубоких и больших в стране, мы полетели вдоль знаменитой трассы №395. Самолёт направлялся к Бриджпорту. Место было знаменито угрюмыми, неизведанными каньонами, пустынными горными плато и горными системами, кое-где перерезанными нитками глухих, выглядевших необитаемыми дорог.

– Центр полётов выдал нам новую поминутную карту маршрута, – заметил пилот. – Мы сейчас должны резко развернуться на Восток. Держитесь!

Меня приподняло с сиденья, желудок хотел выразить своё возмущение отрыжкой или чем похуже, но не успел и передумал. Наша Чесна уже летела прямо, ровно и без шатаний вправо и влево: как примерная, воспитанная девочка.

– Готовьте фотокамеры или что там у вас есть! – приказал мистер Бой. – Мы подлетаем к городу-призраку, знаменитому своими жилыми пещерами. Говорят, там до сих пор жизнь теплится: туристы приезжают, пещеры обживают бездомными бомжами, а музей открыт круглосуточно.

– Я слышала, что в Испании, в Гранаде, пещерные квартиры и дома стоят сейчас дороже, чем обычные.

– И от кого же ты такие страсти узнала?

– От миссис Ти. У неё в колледже девушка из города Гуадикс, в Андалусии, учится. Изабелла её зовут. Так они с семьёй живут в трёхэтажной пещере с джакузи и зимним садом. Говорит, что это очень удобно: зимой тепло, летом, когда жара за сорок, у них внутри прохладно и идеальная влажность. А другую пещеру они превратили в отель. Отбоя от желающих снять его на пару недель нет. За ночь берут тридцать-пятьдесят евро.

– Смотрите вниз! Вот и наш, американский пещерный город. Там, за зданиями, вход в пещеру – гостиницу. И лошади для экзотики.

Самолёт нырнул ещё ниже и стал кружить над другой частью города-призрака Боди. Он выглядел удручающе. Долина подарила ему мягкий климат, но больше ничего. Во второй половине девятнадцатого века здесь добывали золото и серебро.

– Сейчас остались только названия: Золотой холм, Серебряный холм, – печально пояснил мистер Бой. – Я ведь родом из этих мест. Поэтому мы сюда раз в несколько лет и летаем. Я и на пилота с этой целью выучился.

– Спасибо вам обоим, что меня предложили с собой захватить.

– Так было бы несправедливо: твои друзья к восхождению на гору готовятся, а тебе не на что к лагерю добраться. Вот миссис Ти и попросила нас доставить столь драгоценный

груз к месту встречи. Вы же где-то на границе с Айдахо собираетесь?

– Да. Там гора Капитан с перевалом интересным. По нему и собираемся с инструктором пройти. А рядом Йосемитский Заповедник, в котором больше двухсот пятидесяти пещер. Может, удастся хоть в одну спуститься. Я прочитала про Королевскую пещеру и решила, что мне в ней надо побывать. Там внутри горное озеро, водопад, а на нижнем уровне, в который через узкий проход попадаешь, очень полноводная река.

Самолётик, между тем, подлетал к озеру Моно и стал нарезать круги над его безмятежно голубыми глазами. Озеро охранялось теми самыми горами, к которым так стремилась пассажирка. Его ледяная вода удваивала красоту заснеженных вершин, и они добродушно позволяли Моно соседствовать с ними. Уж очень приятно было любоваться собой в его благородно спокойных водах.

– А, правда, что здесь, в Неваде, находятся самые большие ядерные полигоны Америки?

– Правда, девочка. Названия у них немного смешные. Один, например, называется «Квартира Француза», а другой «Квартира Юкка». Они хоть и рядом с нами, но мы туда не полетим.

– Слушай, муженёк, а почему бы нам ни свернуть к бывшим концентрационным лагерям?

– Каким лагерям? Концентрационным?! – я не верила сво-

им ушам. – Как в России, что ли? Гулаг? Или как он там назывался?

– У каждой страны свои тайны, тюрьмы и лагеря. Я в русских не была, так что сравнивать не могу. Но то, что людям там было очень несладко, особенно детям, а их было много, – это мне точно известно.

– Да кого же в тех лагерях держали?

– Всех, кто имел несчастье когда-то приехать в Америку из Японии. Как только Америка объявила войну Японии, так это великое переселение и началось. Со всей Америки возможных «предателей» собирали, выселяли из жилищ и... сюда! Смотри, смотри! Мы сейчас к ним подлетать будем. Унылая, но знакомая картинка, не так ли? У меня с собой даже старые снимки есть. Моя бабушка была наполовину японкой.

– Да и мой дед, к своему несчастью, четверть своей итальянской крови японской разбавил, – задумчиво, но, не отрывая взгляда от панели приборов, добавил мистер Бой.

– Мы ведь, знаешь, как познакомились? На юбилейной встрече родственников интернированных японцев. Тогда была сороковая годовщина, как сейчас помню.

– Да! И я никогда тот день не забуду. Февраль 1982 года. Ты вошла в клуб, улыбнулась своей широкой улыбкой, а потом посмотрела мне прямо в глаза.

– И ты их тут же отвёл! А покраснел как... Я к тебе с угощением сразу и подошла. Чтобы «оживить».

– Мы оба оказались родом из этих мест. Наши предки отсидели, потом им некуда было переезжать: старые квартиры и дома давно были заняты другими людьми. Здесь и осели. Недалеко от резерваций индейцев.

– А не осели бы – и не встретились бы мы никогда. Так что мы на судьбу совсем не в обиде. Как говорится, что бы ни делалось – всё к лучшему. Но неужели вы, в школе, об этом приказе Рузвельта и о лагерях ничего не изучали? Никогда не поверю, что миссис Ти вам об этом на уроках не рассказывала, – хитро прищунив правый глаз, Тара, не скупясь, пихнула меня в бок.

– Миссис Ти историю у нас не ведёт. Только социальные дисциплины. А в учебниках про это – ни слова! Это я точно говорю. Во всяком случае, в тех, которые наша историчка рекомендует.

– Ну, Тара, покажи ей старую газету. А то ещё не поверит нам с тобой!

На меня смотрели унылые ряды бараков. Это всё не вписывалось в Америку! Я не хотела этого ни знать, ни видеть! Как будто прочитав мои мысли, миссис Бой улыбнулась и небрежно обронила:

– А, впрочем, учителя, наверное, правы. Не стоит смущать юные души. Как говорится: многия знания – многия печали.

– А сколько всего людей там, в лагерях, сидело? Теперь уж мне всё хочется знать.

– Сто двадцать тысяч японцев и около пятнадцати тысяч

иммигрантов с немецкими и итальянскими корнями. Да ладно, прости ты нас, что такую тему завели. В любую войну гражданское население страдает больше, чем даже те, кто воюет. Мы оба поэтому – пацифисты. Против войн в принципе. Даже самых патриотических.

– Понятно... А ваши дедушки и бабушки выжили?

– Наши – да. Так что нам повезло.

– Внимание! Скоро будем на месте! Нам придётся сесть в аэропорту Рено Тахо. Потом по 395-ой доедем до вашего лагеря.

– А в заповедник с гигантскими секвойями заедем? Ведь надо ребёнку такое чудо природы показать, как дерево с ветками в два метра диаметром.

– Заедем! У нас день в запасе. Мы, если повезёт, ещё в одну пещерку спустимся.

Самолёт стал снижаться. Плавно, уверенно и грациозно. Я вертела головой, как глупая сломанная кукла, у которой осталась только одна рабочая пружина, да и та шею с головой почти не соединяла. Внизу проплывали реки, мелькнул какой-то пустынный город (Бентон, как я узнала позже), игристые ледяные наросты и отростки подмигивали голубыми глазами. Иногда целый склон горы сползал вниз сверкающим ледяным змеем, язык которого раздваивался или расстраивался у подножия. Я замерла в восторге. Наконец, шасси лёгким поцелуем коснулись дорожки, и мы весело покатались к ангару.

– «Приветствую тебя, Сьерра Невада! Мы с тобой подружимся!» – закричала я.

Я и не представляла, как сильно ошибалась, ступая на твёрдую землю».

Винсия М.

Из статьи для журнала «молодёжный туризм».

Глава 5. Геометрия любви и разозлиться на проблему

Софья всегда любила геометрию. Она давно решила, что её жизнь должна строиться по принципу любимой фигуры – равнобедренного треугольника.

Прочное, широкое основание – это её личность. Такая же твёрдая, негибкая и надёжная. Одна сторона предназначалась для важных, но понятных, жизненных целей: самосовершенствование, саморазвитие и самореализация. Три «само» подряд её ничуть не смущали. Софья была убеждена, что за всё в жизни надо отвечать самой.

Вторая сторона треугольника была ещё проще, но не менее значима: учёба, карьера, работа.

Вершина любимой фигуры означала ту точку пути, когда она будет делать выбор. Иногда она мечтала о времени, когда треугольник трансформируется в ёлку, прирастая другими треугольниками. Эти другие рисовались ей как любимый муж и желанные дети.

Но чаще она воображала точку вершины, украшенную каким-то неведомым, загадочным знаком. Иногда в виде «Ордена за Заслуги». В другие дни она верила, что Нобелевская Премия будет смотреться ещё лучше. И тогда глупые планы о ёлке выветривались из её красивой и умной головы мгновенно.

венно. Безо всяких усилий с её стороны.

Но сейчас, тяжело освобождая ноги из снежной, казавшейся цементом, каши и двигаясь вверх за быстро удаляющимся инструктором, Софья вдруг поняла, что, так любимой ею треугольной геометрии гор чего-то не хватает. Она подняла глаза вверх и увидела подрумяненные утренним солнцем облака. Они были всех форм и размеров. Но самые приветливые и радостные умудрялись сворачиваться и разворачиваться в кружевные рисунки, где царили овалы и петли: они переплетались, вытягивались хрупкой линией, позволяли горному ветру завихриться себя и завьюжить, потом выстроить воронкой, но позже неизбежно растекались в овальные, дрожащие на ветру петельные узоры.

– Скай! – повернулась она к спутнику, твёрдо держащему её руку в своей.

– Какая твоя любимая фигура?

– В каком смысле?

– В геометрическом.

– Тут и думать нечего: окружность. Круг. Замкнутое пространство, но бесконечный периметр. Нет точки отсчёта. Но нет и точки завершения.

– А я всегда любила треугольники. Равнобедренные. Жизнь мне представлялась в виде треугольника или ёлки. Но никогда – окружностью.

– Мне кажется, что вместе – треугольник и круг – могут создать почти совершенную геометрическую форму. Как,

например, храмы и соборы.

– Точно! Какой же ты умный, Скай! Умный совсем по-другому, ну, не так, как я. Ты представляешь себе вещь целиком. И у тебя сразу включается воображение. Потом оно накладывается на знание – и возникает новый образ.

– А у тебя как всё происходит?

– Я обычно складываю только те вещи, которые давно знаю, и которые сами друг с другом сочетаются. Но что-то новое в результате не получается. Или получается, но очень редко. Новыми у меня только формулы получаются... Образы – почти никогда...

– А я вот думаю, что треугольник с кругом могут сочетаться самыми разными способами. Круг может обнять треугольник и включить его в свою орбиту. А можно наоборот. Окружность отлично вписывается в треугольник: она там как-жестся очень к месту.

– Ага! Сглаживает углы и создаёт новые пространства.

Молодые люди остановились и посмотрели друг на друга. Какими бы блистательными ни были снежные бока и вершины гор, но сверкать такой тёплой, рвущейся согреть всё человечество радостью, как сверкали их глаза, у них не получится никогда.

Впрочем, останавливаться надолго было опасно. Их небольшой отряд из восьми человек и инструктора должен был, согласно маршрутной карте, достигнуть вершины горы Капитан к полудню. Затем, после краткого привала, вый-

ти на другой склон, пройти пятьсот-семьсот метров на Запад, до знаменитого перевала, украшенного и раскрашенного хрустальными фалдами заносчивых ледников, и, следуя строго по хорошо проложенной туристкой тропе, спуститься вниз, ко второму лагерю у подножья горы.

– Софья! Ты знаешь, что ты необыкновенная? Ты хоть знаешь, что ты – волшебница!

– Ну, это ты хватил через край! Меня все двенадцать лет одноклассники либо «сушкой», либо «гипотенузой» зовут.

– Они все просто болваны...

– Квадратные, – добавила девушка.

Оба засмеялись и прибавили шагу.

– Ты знаешь, что меня даже в Англию из дома отсылали. На целый год. В их знаменитые школы-интернаты.

– Да ты что?! А кто так решил: мама или отец?

– Конечно, отец. Он меня очень стыдился. Из-за моей дислексии.

– Не понимаю, чего тут стесняться. Многие дислексии – талантливые люди. Некоторые – даже гении. Особенно те, кто архитектурой занимаются.

– Но американские врачи в диагнозе пишут: «Частичное умственное расстройство». Фактически, приговор выносят. Вот отец и решил, что строгая дисциплина и занятия по двенадцать-шестнадцать часов в день пойдут мне на пользу.

– А что, в школе-интернате вы целый день занимались?

– Фактически, да. Шесть-восемь уроков. Потом разные

факультативы: риторика, мифология, драма, дебаты, муниципальное управление, управление вниманием масс...

– Но это же так интересно!

– Иногда интересно. Иногда – не очень. Некоторые клубы – прикольные!

– Какие?

– Искусство дебатов. Там нас учили искусству лгать публично. Если уж быть точным – попросту врать на публику, не моргнув глазом. Убедительно!

Софья остановилась и уставилась в лицо собеседника в недоумении и неверии.

– Быть такого не может! Англичане ведь верующие люди! Религия это запрещает!

– И тем не менее... Вытаскиваешь два билета с темами для обсуждения. Например. «Россия – главный противник стабильной Европы». И вторая: «Глобальная экспансионистская политика США – главный фактор дестабилизации единой Европы». Выбираешь тот тезис, который кажется тебе правильным. Записываешь его на бумагу и отдаёшь ведущему. А говорить и убедить всех в своей правоте ты должен по сути второго тезиса. Того, с которым ты в принципе не согласен. Все выступают, опровергают друг друга, спорят с основным докладчиком. Потом угадывают, какую точку зрения ты на самом деле выбрал. Если сумел всех «надуть» и убедить в том, что ты – сторонник противоположной идеи, – ты победил. А если не сумел, и твои истинные взгля-

ды легко угадывались в дебатах – проиграл.

– Какой ужас! – выдохнула Софья. – Это же означает, что никому из официальной публики верить нельзя! Ни единому политику! Не зря я математику люблю – формулу не обманешь!

– А знаешь, кто почётные члены этих клубов и кураторы?

– Кто? Местная знать? Пэры и сэры?

– Совсем не угадала! Ведущие журналисты, политики и полит-технологи.

– Так что? И им верить нельзя?

– Можно, но не до конца. Как сказал один опытный выпускающий редактор известной радиостанции: «Полуправда – вот бог современных масс медиа».

– Но, в целом, тебе интернат помог?

– Нет! Как я мог, например, в дебатах участвовать, если тему был не в состоянии прочитать? Как мог текст к драме выучить, если на репетиции надо было роль с листа читать? Мне даже хуже стало. Умолял отца забрать меня домой.

– А он?

– А он гениальный выход нашёл: ушёл из дома и оставил мать с тремя детьми на руках.

– Господи, как же она всех вас вырастила?

– Да уж! Мы же тройняшки. Две сестры и я. Мама хоть и из Прибалтики, но с русскими корнями. Сильная женщина. Сама училась, меня терпела. Даже когда я сестёр в этот маскарад вовлёк, она продолжала меня любить и надеяться

на лучшее.

– Ты про какой маскарад говоришь? Про «Звёздные войны»?

– Ну да. У меня классные сестрички. Всё понимают. Решили мне подыграть. Несколько лет мы в костюмах прожили. Прятали за ними правду. Но вот когда миссис Ти появилась – я её возненавидел! Учебник читать не мог, а кино она категорически отказалась показывать. А тут ещё и сёстры сдались: сняли свои костюмы звёздных принцесс и подарили девушке из Судана. С очень необычной судьбой. Они её королевой класса называли. И я остался один. С проблемой и самим собой.

Какая-то упрямо пролезшая сквозь снежный наст ветка вовремя хрустнула под ногами, приглушив сорвавшийся голос Ская.

– Но сейчас ведь всё налаживается? Всегда лучше прямо посмотреть проблеме в глаза, чем закрыться от неё маской. На проблему, также как на болезнь, надо очень разозлиться, чтобы победить.

– Ты знаешь, когда минуту назад ты назвала меня умным, я ещё и полюбил её.

– Кого? – почти шёпотом спросила Софья.

– Свою дислексию. Ведь она связана с моим воображением и даром представлять вещи целиком. Выстраивать картинку. Нет, ты всё-таки самая волшебная из всех волшебниц.

Девушка почувствовала жар, побежавший от руки Ская

вверх по её ладошке. Скоро тёплый ручеёк добрался, казалось, до самого сердца.

Глава 6. Узники снежной пещеры и плачущий сугроб

– Эй, молодые! Поторапливайтесь! Что-то погода нас не балует. Видите, какая густая позёмка там, выше, разыгралась?

Кричала Винсия. Они с Фанки шли предпоследними в группе, которую возглавляли Джесс и Тришка. Другая пара, незнакомые ребята из маленькой горной школы в Неваде, следовала прямо за инструктором. Он же был их учителем физкультуры.

Когда группа была готова к восхождению, и руководитель ещё раз знакомил всех с маршрутом, Джесс попробовал возражать по поводу экипировки. Ребятам предлагалось взять с собой одну лопату, две пары лыж, два спальных мешка, восемь термосов с горячим кофе и яркий палаточный тент. На всякий случай, уточнил учитель. Джесс настаивал на восьми парах лыж и минимум четырёх мешках.

– Что, парень, привык к уюту и комфорту? Или ты решил гостиницу на вершине открыть? «Приют влюблённого», так сказать – съязвил несогласный инструктор. – Я пять – шесть групп во время рождественских каникул поднимаю по этому маршруту. Ежегодно. И, верь мне, сложнее общественный туалет в Сан Франциско найти, чем какие-то два с лишним

километра по этой горе прошагать.

И группа отправилась. С десятью мобильными телефонами, которые отключились, как только они поднялись на восемьсот метров, и одной лопатой. Фанки бодро шагал рядом с Винсией.

– Винсия, – вкрадчивый тон Фанки выдавал его с головой. Наверняка, он хотел её о чём-то попросить.

– Ну, выкладывай, что тебе от меня надо, – хитро улыбаясь, воодушевила девочка парня.

– Ты же в хороших, даже особых отношениях с миссис Ти, – начал Фанки издалека. Он хоть и был «шутлом-перфекционистом», но в самой глубине души, на самом её доньшке, всегда таились мягкость и сочувствие, – за это его все и любили. – Ты можешь о кое-чём её попросить?

– Зависит от просьбы...

– Не могла бы она пригласить меня на урок в одиннадцатый класс, в той, другой школе. Ну, где она историю преподаёт. В том самом классе, где ребята в костюмах из «Звёздных войн» на уроки ходили.

– Очень интересно! Уж не собираешься ли ты «подменить» её, как нашего религиоведа? С неё больниц хватит! Она и сейчас с нами не смогла пойти из-за травмы плеча. Лежит, как шпала железнодорожная, к постели привинченная! Это с её-то характером.

– Да нет! Я просто хотел ребят поблагодарить. За то, что костюмы нам отдали. За то, что помогли со Звёздной вече-

ринкой. Ведь без них – ни за что бы мы так хитро брата Лии вокруг пальца не обвели! Он даже не заметил, когда сестра ушла и куда, в итоге, улетела.

Ребята посмеялись, вспоминая тот незабываемый день в «Центре Психического здоровья».

– Ой, хитришь ты что-то. Поблагодарить ты и на парковке их можешь. Выкладывай всю правду.

– Ну... С человеком одним из их класса... Повидаться хочу.

– Влюбился что ли? Вроде, ни о какой любовной лихорадке в Калифорнии сообщений не было, а вы все, что дети малые: подай им любовь, и всё тут! Как будто коллективно вирус подхватили. Всё с Джесса с Тришкой началось.

– Так уж сразу и влюбился! Говорю же, просто увидеть одного человечка надо.

– И этот человечек, конечно, девушка, – Винсия пихнула Фанки острым, крепким локотком в бок, да так неожиданно, что он чуть не свалился в растущую на глазах снежную подушку.

– Девушка! Ну и что с того! Я даже не знаю, ни откуда она, ни как её звать. Но как только увидел, меня как в сердце ударили: ей помощь нужна. Друг хороший и верный. Что-то с ней неладно. Я редко в таких случаях ошибаюсь.

– Она американка?

– Почти уверен, что нет. Похоже, что откуда-то с Ближнего или Среднего востока. Но говорит по-английски бег-

ло, хоть и с акцентом. Ты знаешь, я её глаза увидел, и мне вдруг стало грустно. Такая печаль накатила, что я сначала даже со штурмовиками поговорить толком не мог. Помоги, Винсия, человеку точно поддержка нужна.

– Хорошо. Я поняла тебя.

Винсия подняла голову, чтобы оценить расстояние до инструктора, и ахнула. Вместо чётко выделявшейся на фоне белых склонов разноцветной цепочки группы, она теперь видела лишь пляшущий снежный занавес. Занавес вихрился и забавлялся: он вздымал фейерверки белой крупы, которые лихо, со свистом и воем разлетались серебристыми снопами во всех направлениях. Видимость была нулевой.

– Фанки, что будем делать? Мы даже не знаем, куда идти.

– А кто позади нас?

– Софья со Скаем. Но их тоже не видно.

– Мы либо должны остановиться и дожидаться их, либо продолжать путь чётко вверх, пока не соединимся с остальными.

– Я думаю, что Джесс настоял на том, чтобы группа прекратила восхождение. Я уверена, что они нас ждут, – твёрдо настаивала Винсия. – А, значит, мы должны соединиться с последними двумя и дальше идти вместе.

Фанки не спорил. Винсия была разве что не экспертом в том, как надо себя вести в экстремальных ситуациях. Вскоре они различили жёлтую куртку Софьи, как нельзя лучше смотревшуюся рядом с небесно синей паркой Ская.

Порадовавшись встрече, ребята тут же двинулись наверх, в надежде воссоединиться с товарищами. Идти становилось всё труднее: снег сыпался, как из бездонного сита. Протяни руку, и ладошку свою с трудом различишь.

– Мы вообще-то поднялись уже на километр и четыреста метров, – сверился Фанки со своей маршрутной картой. – Где же ребята?

Прошло не меньше часа, прежде чем Скай заметил чёрные точки на левом отроге горы. Группа свернула на Восток, удивляясь тому, что приходится так сильно отклоняться от маршрута. Вскоре раздались крики. Кричал Джесс, а Тришка прыгала рядом что было сил и махала своим алым шарфом.

– Уфффф... Наконец-то все вместе! – девчонки обнимались и мутузили друг друга, пока парни о чём-то сердито, слишком серьёзно, на взгляд девочек, совещались.

– У нас тут ЧП! – зачастила Тришка, не забывая, впрочем, тянуть гласные и проглатывать окончания.

– Что-то плохое случилось?

– Да, хорошим это не назовёшь. Помните ту пару ребят, не наших, которые сразу за учителем шли?

– Да! А где они?

– Девочка вон там, на тенте сидит, и кофе горячий пьёт. А с парнем беда.

– Да что могло с ним случиться?

– Не поверите... Переохлаждение на фоне резкого паде-

ния давления. Он весь посинел и стал тихо и плавно, как в замедленном кадре, складываться вниз: голова в плечи ушла, плечи вдоль туловища к ногам поползли, колени сами в снег уткнулись. Так вот сидит и трясётся уже минут пятнадцать. С ним Джесс и инструктор.

– Винсия! – раздался властный, но тревожный, крик Джесса. – Иди сюда! Нам помощь нужна!

Джесс, признанный, несменяемый староста их класса, сын уважаемого всеми шерифа, обладал непоколебимым авторитетом у ребят. Все его команды выполнялись чётко и сразу.

Девушка быстро, зачерпывая снег своими довольно лёгкими и дешёвыми ботинками, побежала к расположившейся на снегу группе.

– Разложи спальный мешок! Утепли его по дну вот этим тентом. Нам надо мальчишку во что бы то ни стало согреть.

Когда мешок был готов к приёму постояльца, Джесс с учителем с трудом «ввинтили» в него парнишку, и Джесс полез в мешок следом за ним. Он крепко, как заботливый старший брат, прижал мальчишку к себе, попросил всех, кто мог, поделиться тёплыми вещами, и стал укутывать незадачливого туриста, согревая его лицо своим дыханием. К тому времени, когда парень порозовел и стал двигаться, сам Джесс выглядел уставшим и измотанным.

Парня оставили отогреваться в более или менее тёплом коконе, а остальные члены группы собрались на совещание. Мнения высказывались прямо противоположные.

– Надо двигаться дальше, по компасу, – настаивали Джесс и Скай. Нам осталось не так много до вершины. А там есть нечто вроде временки с водой, едой и крышей над головой. Переждём бурю.

– Нет, нет и нет! – возражал инструктор, которого поддерживали Софья и Фанки. – Эту избушку на курьих ножках заносит в первую очередь. Всегда, когда случается такой вот непредвиденный снегопад. И лежит она под сугробом без окон и дверей. И признаков жизни не подаёт. Надо обойти гору по горизонтальной заброшенной тропе, пока её не занесло, и мы окажемся с подветренной стороны. Там даже гроты есть, неглубокие, чтобы укрыться. Надо сменить траекторию маршрута.

– Но мы же никого не уведомили, что можем отклониться от карты. Если что-то случится, нас будут искать либо на вершине, либо на западном склоне. Никому и в голову не придёт посылать поисковую группу на восточные отроги. Мы там можем просто пропасть. Затеряться навсегда. Тем более, что гроты и каменные навесы «надёжно» спрячут нас от любых спасателей. Нас просто не будет видно.

– Кроме того, на вершине должен быть телефон для связи. Спутниковый. Помните, газеты писали о том, что теперь наш знаменитый Капитан станет более дружелюбным и достигаемым. Я точно знаю, что он там был установлен. Моя мама даже связь проверила, прежде чем меня отпустить, – Скай говорил горячо и так убеждённо, что Фанки сдался и под-

держал план Джесса.

– Аааааа! Так к нам ещё и маменькины сынки «прихвостились»! – с нехорошей улыбочкой вступил в спор инструктор. – И кто же у нас мама? Небось бюрократишка муниципального розлива! Не переносу на дух эту братию!

– Она – директор школы и...

Скай не договорил, потому что инструктор обрушил на него видимо давно копившуюся злобу. Ту злобу, которая, как моль, нередко поедает людей изнутри, не находя выхода из тесного шкафа предписанного и контролируемого поведения.

– Это из-за таких, как она, мы получаем копейки и проводим каникулы здесь, в снегу и грязи, пока они на Карибах отдыхают. Это такие, как она, вечно всех учат, наставляют и поправляют. Это те самые дамочки, которые сами в штаны наделают, поставь их перед классом неуправляемых дикарей, но это их не останавливает от придирок и бесконечных нареканий учителям...

Он не договорил и неожиданно отлетел в сугроб. Скай возвышался над ним как Илья Пророк, готовый пустить все громы и молнии на голову провинившегося.

Но никто не ожидал того, что случилось в следующую минуту. Парень что-то тихо сказал и протянул учителю руку, помогая встать. Тот бодро вскочил на ноги и серьёзно, задумчиво уставился на Ская.

– А ты ничего, – сердито, но с ухмылкой, прорычал ин-

структор. – Действуешь, как настоящий американец! Из тех, из первых. Которые сначала вытаскивали соперника из канавы, в которой он оказался, а потом уже били, если заслуживал. Нынче не так. Как вас другая учительница физкультуры учит? – обратился он к девочке из своей школы.

– Дождись, когда неприятный тебе человек или соперник ничего не подозревает и потому слаб, не готов к ответу, и «размажь» его безжалостно. Без соплей! – девочка неожиданно для всех улыбнулась. – Мистер Эф нас с братом в поход взял бесплатно. У нас и на дорогу денег-то не было. Он за нас заплатил. Хотя сам живёт в маленьком доме с тремя детьми. И мало зарабатывает.

К ней подошла Винсия и обняла.

– Меня тоже добрые люди сюда бесплатно доставили. На самолёте, представляешь?! А так я бы никогда денег не нашла ни на дорогу, ни на тёплую одежду...

Обстановка смягчилась, настроение поднялось, но быстрее настроения поднималась настоящая снежная буря, которой не было ни в одном из прогнозов погоды. Решили искать компромиссное, синергетическое, как определила его Софья, решение.

Группа двинулась вверх, причём, незадачливого парнишку пришлось тянуть за собой, как сани, прямо в спальном мешке. «В упряжке» шли по очереди все, но первыми впряглись инструктор со Скаем. Так они сами решили. Туристы намеревались пройти ещё хотя бы четыреста метров,

но в случае ухудшения видимости и усиления снежных заносов, всё-таки свернуть на другую, подветренную сторону горы, что и пришлось сделать скорее, чем ожидалось.

Небо и, наполненный плотным падающим снегом воздух, слились в одну свинцовую, низко нависающую кашу. Идти дальше было опасно: не было видно ни оврагов, ни впадин, ни острых отрогов.

Медленно, двигаясь шаг в шаг друг за другом, ребята обогнули гору и нашли более или менее спокойное место для стоянки. Фанки предложил вырыть снежную пещеру. Он где-то читал про эвенков и эскимосов, и там утверждалось, что внутри такого убежища достаточно тепло, чтобы продержаться несколько дней.

Так как лопата была на всех одна, то пришлось рыть снег голыми руками. К концу работы все были измождены. Младшие дети, брат и сестра из Невады, выглядели напуганными и несчастными.

Пещера оказалась явно мала для восьми человек, и Джесс с Винсией отправились на поиски грота или хотя бы маленького естественного укрытия в скалистой стене. Вернулись они ни с чем.

– Кофе будем пить по пять глотков. Вместо воды – снег. Задраиваем вход в пещеру тентом и погружаемся в зимнюю спячку, – стараясь звучать не слишком серьёзно, командовал инструктор.

Сам он залез в мешок обессиленного и продрогшего пар-

нишки, предварительно стянув с себя свитер и укутав им ноги мальчика. Винсия крепко обняла девочку, его сестру, и за неимением тёплых вещей согревала ей руки и щёки дыханием и время от времени массировала худенькие, негнущиеся от холода ноги.

Джесс с трудом пробрался в мешок Ская, лежать обоим приходилось на боку, вытянув руки вверх. Вдоль туловища они не уместались.

– Как ты думаешь, Софья, мы отсюда выберемся? – шептала Тришка, подползая подружке под бок и растирая её спину крепкими кулачками. – Ты совсем зачоченела, – заметила она. Куртка у тебя слишком лёгкая.

– Я знаю, знаю. Я её из-за Ская одела, она мне идёт. Понравиться хотела.

Девочки засмеялись. Даже сейчас, когда опасность остаться похороненными под снегом, была так велика, говорить хотелось о любви. А об опасности – нет, не хотелось.

– С опасностью надо бороться, её надо победить – а говорить о ней необязательно, – прошептала подруге в ухо Софья.

Всем, так или иначе, удалось поспать три-четыре часа, и ребята восстановили силы.

– Я принимаю решение – отправиться на поиски спуска. Той самой тропы, по которой мы сюда пришли. Надо добраться до лагеря и отправить спасателей за остальными – это был Джесс.

Брат с сестрой отказались куда-либо идти первыми. Инструктор решил остаться с детьми. Кроме того, у него была сигнальная ракетница, чтобы дать знать поисковой группе, где их искать. Впрочем, пользоваться ей было опасно: можно вызвать сход лавины. Костёр лучше, да жечь было нечего.

Скай решил идти с Джессом. Фанки они велели остаться и разгрести снег у входа в снежную пещеру. Её к этому времени завалило уже наполовину. Если не держать вход свободным, то их убежище превратится в снежную западню. В готовую могилу. Допустить этого было нельзя. Расс, в крайнем случае, должен был попробовать подняться на вершину. К спасительному телефону и избушке.

Ребята выползли с трудом наружу и двинулись сначала на Запад, откуда они пришли, а потом вниз. Оба, не сговариваясь, решили попробовать спускаться на лыжах. Хотя это было очень опасно.

Когда они шли в гору, приходилось следовать всем изгибам, петлям и резким, как нос швейного крючка, поворотам тропы. И хотя планировался подъём на два с половиной километра, но дорога к вершине вытянулась на все восемь.

Спускаться на лыжах, следуя маршрутной тропе, было бессмысленно. Ни самой тропы, ни указателей по её краям видно не было. Снег так плотно прикрыл Капитана, что вся гора превратилась в совсем неаппетитный шарик зернистого мороженого, надёжно спрятавшего в своих глубинах все каменные выступы, отроги и впадины.

Но ребята решили рискнуть: оба были лыжниками опытными и не чурающимися экстрима. Первым упал, перелетев через огромный валун, Джесс. Он хоть и ударился, но ещё больше наполнился решительным задором. Он любил вызовы, откуда бы они ни появлялись. Его отец с детства приговаривал:

– Каждая новая проблема – это повод для нового старта и нового поворота судьбы. Люби проблемы, сынок, и никогда не жалуйся, что их слишком много. Много проблем – много опыта – много самоуважения.

Скай был тоже хорошим лыжником, вот только опыта у него было поменьше. Но он ни за что на свете в этом бы не признался. Особенно сейчас. Когда у него была Софья. Молодые люди умудрились преодолеть большую часть спуска, когда с природой что-то случилось. Ветер не задул. Он завыл, загудел и разъярился: всё смешалось в одну зернистую мглу, как на старой, испорченной киноплёнке. Ребята остановились. Ветер хлестал их с такой силой, что, казалось, он сначала размахивался, потом застывал на секунду, группируясь, как спортсмен перед прыжком, а затем обрушивался на лыжников, бесцеремонно сбивая с ног и кидая плашмя в мягкий снег.

– А что же там с нашими? – пугаясь собственного вопроса, произнёс Скай, освобождая рот от снега.

– Плохо! С ними сейчас всё плохо. Но нам некогда об этом говорить. Ля-ля-ля не помогут. Надо идти. Надо посылать

спасателей.

И они двинулись пешком дальше. Лыжи решили оставить на месте, вкопав их в снег и привязав к одной палке яркую полоску ткани: Джесс оторвал её от подкладки своей куртки. Подкладка была ярко коричневой, цвета густого шоколада, и хорошо выделялась на белом фоне.

– Какой-никакой опознавательный знак, – решили ребята.

Когда идти по вязкому, мокрому снегу стало слишком трудно, они присели. И оба поняли, что сдаются. Оба осознали, что ни идти дальше, ни говорить, ни надеяться на чудо сил у них не осталось. Каждый из них знал про решение другого. Но обсуждать это не было смысла. Они просто сидели, закрыв глаза и позволяя снежинкам с невинной жестокостью падать на их сложенные пополам фигуры и безразличные ко всему лица. Медленно и верно снег превращал их в маленькие, невидимые сверху сугробики. Один из них постоянно подмокал сверху: первые в жизни горячие слёзы лились из глаз Скайуокера:

– Ну почему сейчас? Почему тогда, когда я кому-то очень нужен? А что же будет с Софьей?

Глава 7. Прыжок с вертолёта, цветная магия любви и подвиг Фанки

День начался не с привычного лучика солнца, готового трудиться свержурочно даже в рождественские каникулы, а с оглушительных, звучащих бесцеремонно и очень тревожно телефонных звонков.

– Да, кто звонит? – сонно и, стараясь не шевелить большим плечом, промямлила Тина в трубку стационарного чудовища, разбудившего её в такую рань. Часы на его дисплее показывали пять утра.

– Миссис Ти! Похоже, у нас несчастье. Винсия Вам не звонила? – голос шерифа звучал не свойственными ему нотками паники.

– Звонила. Вчера рано утром. Перед восхождением на гору. А что происходит?

– Вся группа должна была вернуться с маршрута вчера, к 19.00. В лагерь у подножья горы. Но они там так и не появились.

– Вы пробовали дозвониться по тому, спутниковому телефону, что на вершине Капитана?

– Он молчит. Там никого нет. Дело осложняется тем, что в горах поднялась буря. В Сьерре Неваде такое случается раз

в десятилетие.

– Спасателей послать к ним можно?

– Можно. Уже вышла одна группа. Та, которой разрешили. Погодные условия не позволяют использовать авиацию. Они категорически отказались рассмотреть такую возможность, пока ветер не стихнет.

– Шериф! Я отключусь на минутку. У меня одна идея. Надо кое с кем поговорить. Я перезвоню.

Не успела она положить трубку, как захлёбывающимися трелями «заистерил» мобильный.

– Миссис Ти! Я чувствую, что что-то не так, – трубка частила голосом Лии. – Второй день ни Винсия, ни Софья не отвечают на звонки. Я знаю, что они в горах. ВВС передают прогноз погоды и сопровождают его предупреждением: «Уважаемые путешественники, собравшиеся на каникулы в Сьерра Неваду! Убедительная просьба отложить поездки и экскурсии. Горный массив оказался в эпицентре снежной бури. Сила ветра, сопровождаемого мощным снегопадом, такова, что всякое восхождение в горы невозможно, включая с использованием технических средств». Я вам целиком всё зачитала.

– Лия, возьми себя в руки. Истерикой никому не поможешь. Да, связи с ребятами нет. Но мы все работаем над проблемой. И я отключаюсь. Мне надо кое-что сделать. Будут новости, – перезвоню.

Тут же, как будто издеваясь, тишину взорвал стационар-

ный телефон.

– Вы, так называемая учительница! Где моя сестра?!

Трубка шипела и открыто угрожала голосом брата Лии, ученицы двенадцатого класса, в котором Тина Ивановна была куратором. Бедная девочка была, как она говорила, четвёртым лепестком ромашки в собственной семье. Ведь если гадать на ромашке с четырьмя лепестками, то всё время будет выходить «не любит». А то, что её не любят, Лия поняла давно. Как объяснила ей мать:

– Я тебя у бога не просила.

Лия и её подруги верили, что такая демонстративная, неестественная нелюбовь каким-то образом была связана с другой тайной. Тайной отца Лии. И они не ошиблись. Мать девочки и её брат давно связали жизнь с преступным мексиканским картелем. Картель торговал людьми. И отец Лии, журналист Дерек, в своё время занимался тем, что пытался распутать все преступные нити этой организации. Он был таким наивным, что, влюбившись в мать Лии, надеялся её оттуда вытащить. Он верил, что красивая юная женщина стала жертвой преступников. Он сильно ошибался. В итоге дочь от него спрятали. Вскоре исчезла и её мать. А бедная девочка так и прожила свои семнадцать лет с чувством ненужности родне и родимым пятном «несчастливости». В последний год ситуация в её семье стала не просто тяжёлой, но и опасной для самой Лии. Девушка слишком много узнала о преступном бизнесе брата и матери. И те просто решили от неё

избавиться.

В силу всех этих причин и было решено Лию спрятать. Для родни она была во Франции. Для друзей – в Англии, вместе с Рассом, давно и безнадежно влюблённом в неё одноклассником.

Все эти мысли вихрем промчались в голове учительницы. А в следующую минуту в ней пробудилась актриса и ожила «школа Станиславского».

– А почему Вы *мне* звоните? И с какой стати я должна с Вами разговаривать?

– Так ведь это Вы организовали ей какую-то стажировку. Во Франции.

– Я организовывала. Я старалась, но в день её отлёта меня не было в штате. Я была в Неваде. А по возвращению, вечером следующего дня, пережила покушение и находилась в заложниках. Так что я не в курсе всех дел, связанных с вашей сестрой. Хотите, я попрошу шерифа Вам всё объяснить?

Шериф был последним человеком на планете, с которым этот мерзавец хотел бы поговорить. Пользуясь его молчанием, Тина быстро заговорила:

– А Вы уверены, что она во Францию отправилась? Вы её проводили? И с чего это вдруг у Вас такая истерика? Лия убила, что ли, кого-нибудь?

– Она пропала! Её нет во Франции!

– А Вы что, из Франции мне звоните? Сестру решили проведать?

– Нет... Ну... Наш, как бы, общий знакомый её там не нашёл.

– Так он её знакомый, общий знакомый или *как бы общий*? Если последнее верно, то, вполне вероятно, что она просто не захотела, чтобы он её нашёл.

– Хммм... Может, Вы и правы.

– А, с другой стороны, Лия – девушка непредсказуемая, – Тина вошла во вкус и врала с удовольствием. – Она что-то про Мексику много говорила. Про мафию... Бабушку вспоминала. Всё невест каких-то искала. Вы же знаете её фантазии! Вполне возможно, что в Мексику она и рванула вместо Франции. Вы бы проверили.

– Да, спасибо. Извините за грубость. Ценный совет.

Братец отключился.

«Вот пусть теперь раздваивается и ищет её сразу в двух местах, пока она в третьем жизни радуется. Какие же молодцы ребята, которые устроили её побег в Англию» – мстительно подумала миссис Ти. Потом вздохнула и стала набирать на мобильном любимую соседку Тару Бой. Они с мужем до сих пор были в Неваде.

– Тара! Как я рада тебя слышать! Милая, дорогая Тара! Нужна помощь. Ребята в беде.

Она кратко обрисовала ситуацию. Тара обещала обсудить всё с мужем и перезвонить. Никаких звонков не было следующие два часа. Тина не находила себе места, а когда удалось его найти, оно почему-то не нравилось её плечу, ко-

торое тут же посылало иглу острой боли в голову и далее по маршруту: шея, грудная клетка, предплечья и спина. Но она радовалась этой боли. Пожив и пережив достаточно, Тина знала, что легче пережить любую физическую боль, чем достойно справиться с душевной.

Телевизор не радовал прогнозом погоды. В горах сохранялась опасность схода лавин, а снегопад только набирал силу.

Когда телефон, наконец, прорвал кошмар межвременья, миссис Ти так резко поднесла мобильник к уху, что едва не потеряла сознание от боли.

– Слушай, Тина! – бодрый голос соседки внушал надежду. – Мы с мужем находимся поблизости. Я имею в виду гору Капитан. Мы уже организовали из местных мужиков шесть поисковых групп. Они сию минуту отправляются к горе: кто на снегоходах, кто на внедорожниках. Начнут восхождение сразу со всех сторон.

– А не опасно ли это?

– Тебе напомнить, что мой муженёк из цирковых? И друзья у него соответствующие. Может, не очень образованные, но мужики отчаянные и ловкие. Их хлебом ни корми, – дай рискнуть чем-нибудь. А тут такое благородное дело: детей спасти.

– Тара, какой раз ты нас всех выручаешь! Я у тебя в неоплатном долгу!

– А кто тебе сказал, что платить не надо? Как вернёмся,

с тебя полный русский обед: домашние пельмени, пшённая молочная каша и русские котлеты. С лучком и чесночком.

– Так ты надеешься, что всё получится?

– Конечно! Люди по неделе без еды спокойно выживают.

А тут всего-то один день прошёл.

– Но холод! Как его пережить?

– Не так уж у нас и холодно. Во всяком случае, по сравнению с Москвой. У вас там сейчас -25, а здесь «-3-5». Можно в снег зарыться и переждать.

– Как ты думаешь, сколько времени займёт, чтобы прочесть гору?

– И загадывать не хочу! – рассердилась миссис Бой. – Я тебе ещё не всё сказала. Мой муж сейчас на военной базе, здесь, в пяти километрах от городка, в котором мы гостим. Может, военный вертолёт удастся подключить. Всё, мне надо идти. Я тоже в поисковую группу вхожу. А на телефоне моя кухня остаётся. На стационарном. Запиши номер.

Телефон смолк. Смолкла и надежда. Её место тут же заняла горечь собственного бездействия. Звонить шерифу она почему-то боялась. И когда страх услышать самую плохую новость стал ощущаться физически, шериф позвонил сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.